

DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.14

УДК 316.342.6, ББК 60.54

© Головчин М.А., Мкоян Г.С.

Молодежь на постсоветском пространстве в условиях ценностной трансформации общества (на примере России и Армении)

**Максим Александрович
ГОЛОВЧИН**

Вологодский научный центр РАН
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: mag82@mail.ru

**Гоар Сергеевна
МКОЯН**

Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна
Ереван, Армения, пр. Тиграна Меца, д. 17
E-mail: Goharmkoyansoc85@gmail.com

Аннотация. Ценностные ориентации представителей старшего поколения (старше 55 лет) уже окончательно сформированы, и, как правило, на них оказывают влияние те мировоззренческие установки, которые сложились в советское время. Жизненные представления молодёжи, относящиеся к различным проявлениям общественной реальности, напротив, находятся в фазе активного формирования. В этой связи в ценностной сфере поколений наблюдаются определенные отличия. Их изучение интересно и важно потому, что молодые воспринимают свой нынешний статус и имеющиеся возможности как абсолютно естественное состояние, тогда как для их родителей многое из того, что выглядит нормальным и обычным сейчас, было совершенно недоступно в годы их молодости. В статье исследуются ценностные ориентации молодёжи на постсоветском пространстве на основании выделения схожих черт и различий с приоритетами

Для цитирования: Головчин М.А., Мкоян Г.С. Молодежь на постсоветском пространстве в условиях ценностной трансформации общества (на примере России и Армении) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 215–229. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.14

For citation: Golovchin M.A., Mkoyan G.S. Youth in former Soviet republics in conditions of value transformation of society (case study of Russia and Armenia). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 215–229. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.14

старшего поколения. Авторы особенно интересуют взгляды на жизнь и образ мыслей молодёжи как поколения, ориентированного на модернизационные изменения в обществе. В работе предпринята попытка на базе исследовательских данных ответить на вопрос о том, что является определяющим вектором духовного развития представителей молодого населения. Исследование построено на анализе вторичных данных социологических опросов, проведенных в Российской Федерации и Республике Армения. Объектом сравнения в опросах выступают полярные возрастные группы населения – молодёжь и старшее поколение. В ходе исследования были не только выявлены общие черты в ценностном сознании двух поколений в России и Армении, но и обоснованы характер и значение влияния социокультурных факторов на жизненно важные ценности молодёжи. Установлено, что межпоколенные различия в социокультурных детерминантах затрагивают отношение к личностным перспективам в жизни и семье, доходам, образованию и т.д. Результаты исследования позволили определить направленность изменений ценностных ориентаций молодёжи. Тенденции её культурного и духовного развития в обеих сравниваемых странах отражают межпоколенческий сдвиг с акцента на экономической и физической защищенности к возрастающей роли самовыражения, субъективного благополучия и качества жизни, что неоднозначно влияет на социальное самочувствие. В частности, корреляционный анализ установил обратную зависимость показателей интернет-активности и уверенности личности в будущем. Это говорит о том, что характерный для молодёжи уход «с головой» в интернет-пространство чреват проявлениями социальной апатии. В заключение авторы представили свои размышления о необходимости активизации межкультурного диалога стран на постсоветском пространстве о совместном участии в решении проблем молодёжной политики.

Ключевые слова: жизненные ценности, поколение, молодёжь, образование, цифровой ретризм, модернизация, опрос, корреляция.

Введение. В странах бывшего СССР происходят глубокие структурные трансформации на фоне схожих по сути экономических, социальных проблем и противоречий [1, с. 15-24]. Данные процессы напрямую связаны с внедрением модели модернизации как основы конкурентоспособной экономики [2, с. 14-26]. Ученые (например, П. Штомпка, Н.И. Лапин) отмечают, что в процессе замедления («затухания») темпов модернизации, помимо экономических «барьеров», заметную роль играет человеческий фактор [3; 4].

Долгие годы модернизационные идеи были достоянием общественных «элит». В широких массах они не находили понимания из-за своей сложности и противоречивости. В связи с этим сегодня модернизации не хватает поддержки «снизу» [3]. Эта поддержка будет возможна лишь при условии включения в данный процесс широких общественных слоев, «мобилизации всех сил» на достижение поставленных целей трансформации экономической и социокультурной среды [5, с. 181-191].

В этом ключе главное внимание должно быть направлено на молодёжь, так как молодое поколение несет особую миссию – соци-

ально-демографической группы, наиболее восприимчивой к инновациям, обладающей предельной мобильностью и креативностью [6, с. 156-158]. В то время как общество пребывает в состоянии постоянного изменения, молодые склонны (благодаря возрастным свойствам личности) сами конструировать социальную реальность под свои запросы и потребности [7, с. 112-122].

Вместе с тем в вопросе о молодёжи как «драйвере» модернизации кроется противоречие – между её «статусной» ролью (т.е. какой молодёжь должна быть) и реальными возможностями [8, с. 52-63]. Формирующаяся на постсоветском пространстве экономическая и социальная нестабильность весьма остро дает о себе знать в молодёжной среде: в ней проявляется политическая и общественная пассивность, что в ряде случаев не позволяет этой группе населения рационально, своевременно и эффективно реагировать на модернизационные вызовы [9, с. 31-40].

Молодые люди далеко не всегда успешно адаптируются к быстро изменяющейся социальной реальности. На практике они зачастую сталкиваются с рядом трудностей, препятству-

ющих реализации собственного потенциала, вплоть до социальной эксклюзии. В большинстве случаев это связано с недостатком социального опыта, зависимостью от чужого мнения и подражательностью, отсутствием или дефицитом возможностей для самоактуализации и т.д. [10, с. 25-31].

Помимо того, жизнедеятельность молодёжи в социуме характеризуется рядом негативных проявлений, таких как безработица; распространение модели саморазрушительного поведения (в том числе ведущей к волне суицидальной активности); вовлеченность в интернет-сообщества экстремистской и террористической направленности и т.д.

Как следствие, в молодёжной среде проявляются ретритизм (уход от действительности), социальный пессимизм и даже эскапизм (намеренное несоблюдение норм и законов, принятых в обществе) [11, с. 192-201]. Потенциал молодого поколения перестает использоваться в полную силу, о чем свидетельствует возникновение категории «NEET-молодёжь» [12, с. 31-39]. Таким образом, молодёжь постепенно перестает играть роль «драйвера» общественных преобразований, а модернизация, в свою очередь, теряет поддержку «снизу».

Подобное стечение обстоятельств приводит к риску появления «деструктивной модели общества», ориентированной не на модернизационные ценности, а на регресс и демодернизацию [13, с. 91-97]. Это ещё раз подчеркивает важность изучения ценностного и мировоззренческого базиса, на который опирается социализация молодёжи.

Теоретические основания анализа. Традиция исследования жизненных ценностей в мировой науке заложена уже давно. Так, в работах выдающегося армянского философа и мыслителя VI в. Давида Анахта (Непобедимого) поднимаются вопросы развития культуры и многообразия форм ее проявлений [14, с. 110-118]. Особое внимание уделено эволюции тех культурных ценностей, которые зависят от результатов познания, а также рациональной, эстетической и нравственно-моральной деятельности членов социума [14, с. 110-118].

Первые обобщенные исследования культурных аспектов образа жизни в Западной Европе появились в области социологии во второй половине XIX в. М. Рокич выделял два

класса ценностей – терминальные (ценности-цели) и инструментальные (ценности-средства). Им же была предложена методика изучения ценностных ориентаций, основанная на прямом ранжировании списка ценностей (36 ценностей: 18 терминальных и 18 инструментальных) [15; 16].

В соответствии с классификацией С. Шварца и В. Билски ценности выражают три универсальные потребности человеческой жизни: 1) потребности как биологического организма; 2) потребности в координированном взаимодействии; 3) потребности выживания и благополучия группы, сообщества [17; 18].

Н.И. Лапин объединяет базовые ценности в три цивилизационных типа (общечеловеческие, традиционные, современные) и в два функциональных слоя (терминальные и инструментальные), которые вне всяких законов развиваются в общественном сознании [19, с. 173-179].

Вышеназванные научные концепции имеют один, но значительный недостаток. Они подходят к исследованию ценностей с точки зрения их универсальности, не учитывая уровня экономического развития населения, роли традиций и инноваций в тех или иных обществах. Поэтому руководствоваться ими в межстрановых сравнениях затруднительно.

Во второй половине XX века Р. Инглхарт на основе опросов, регулярно проводимых в Европе, пришел к заключению о постепенном вытеснении жизненных установок материализма ценностями постматериализма [20; 21]. Теория Р. Инглхарта базируется на различии характеристик трех поколений людей, выросших в традиционном и индустриальном обществах [20; 21]. Суть её состоит в том, что любое развитие – это прежде всего усиление человеческого начала, поскольку «человеку, по определению, присуще стремление к свободе» [22, с. 21]. Как считает Инглхарт, ценности трансформируются, причиной чего является в первую очередь экономическое развитие [22, с. 21]. Исходя из этого рассматриваются два класса ценностей:

а) ценности выживания: вера в Бога, семья, послушание, национальная гордость, абсолютные стандарты, негативное отношение к разводам, абортам и т.д.;

б) ценности самовыражения: их носители питают противоположные чувства в отношении традиционных ценностей [20].

С развитием экономики в индустриальных странах ослабевают ценности выживания, а ценности самовыражения усиливаются [22, с. 38-39].

По мнению Р. Инглхарта, современная молодёжь находится в «точке перехода» от материалистических ценностей (предпочтение физической и психологической безопасности и благополучия) к приоритету ценностей постмодерна (самовыражение и качество жизни) [20].

В рамках данного подхода ученый выдвинул научную гипотезу о ценностной значимости недостающего, объясняющую межпоколенческую смену ценностного ряда состоянием социально-экономической среды. В рамках этой гипотезы наибольшая субъективная ценность прилагается к тому, чего личности относительно недостает [20].

На основе методики Инглхарта, часто используемой для кросскультурного изучения ценностей, проводится ряд международных исследований, таких как Всемирный обзор ценностей (World Value Survey)¹ и Европейское исследование ценностей (European Values Study)².

Идея Р. Инглхарта о неизбежной трансформации ценностей населения в процессе смены поколений от приоритетов выживания к главенству самовыражения была взята за основу разработки гипотезы нашего исследования, в рамках которого рассмотрены жизненные приоритеты молодёжи в двух постсоветских странах и определен характер межпоколенной трансформации ценностей.

Для анализа были использованы материалы опросов общественного мнения населения Российской Федерации (РФ) и Республики Армения (РА). Объект исследования был выбран не случайным образом. Россия и Армения, несмотря на отсутствие общих территориальных границ, имеют единое историческое прошлое в составе СССР, единое вероисповедание, тесные связи на уровне международной политики, что в совокупности позволяет говорить об основаниях для культурной близости народов этих

стран при сохранении национальных традиций. В России также достаточно широко представлена армянская диаспора, в состав которой, по оценке «Союза армян России», входит более 2,5 млн. чел. (173 чел. в расчете на 10 тыс. россиян)³.

Обратим внимание на то, что социологические исследования, материалы которых будут представлены далее, в России и Армении проводились по разным методикам и с применением разного инструментария. В России в выборку вошло как городское, так и сельское население, в Армении — только городское (это предопределило неодинаковый объем выборочной совокупности).

Поэтому в статье мы сознательно не подвергаем прямому сопоставлению полученные в разных странах данные и попытались уйти от рассуждений в измерительном пространстве «больше / меньше», «слабее / сильнее», что было бы методологически некорректно. Таким образом, объектом анализа становятся не **первичные** данные опросов, характеризующие мнение населения, а **вторичные** исследовательские материалы, свидетельствующие о масштабах и характере распространения определенных культурных явлений в российском и армянском обществе. Данный подход позволил нам сравнить прежде всего тренды, характеризующие межпоколенную трансмиссию ценностей в изучаемых странах, «общую картину», а не конкретные показатели.

В качестве рабочей гипотезы в исследовании было выдвинуто предположение о том, что эволюция ценностных ориентиров в результате смены поколений в двух постсоветских государствах не в полной мере отражает закономерный переход от традиционных норм к ключевым приоритетам общества постмодерна, так как этому процессу препятствует незавершенность модернизации. Приоритеты населения в той и другой стране, в первую очередь, определяют дефицит возможностей для достойной жизни. Как было сказано ранее, для формулировки и обоснования гипотезы был использован подход Р. Инглхарта.

¹ World Value Survey. Режим доступа: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>, <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp> (дата обращения: 29.04.2016).

² European Values Study. Режим доступа: <http://www.europeanvaluesstudy.eu/> (дата обращения: 24.02.2018).

³ В России проживает более 2,5 млн армян. Режим доступа: <https://ria.ru/society/20021216/282886.html> (дата обращения: 07.04.2018).

Для доказательства гипотезы нами был произведен отбор индикаторов, анализ которых помог выявить характер влияния межпоколенной смены ценностей на образ жизни молодёжи. Поиск индикаторов в полном соответствии с типологией ценностей Инглхарта не был самоцелью. Прежде всего, этого не позволяет сделать инструментарий, который направлен на получение информации по схожим вопросам, но изначально не приведен к единым формулировкам. Для нас было принципиально важно, чтобы в ходе вторичного анализа четко прослеживалась приверженность респондентов в рассматриваемых странах либо ценностям выживания, либо ценностям самовыражения. В рамках исследования происходила операционализация следующих понятий: жизненная ценность, отношение к будущему, отношение к социальным институтам и благам (табл. 1).

В ходе исследований ответы представителей молодого поколения (до 30 лет) сравнивались с мнением представителей старшего поколения (старше 55 лет). Это дало возможность проанализировать приверженность молодёжи тем или иным группам ценностей и определить, в каком

направлении происходит «межпоколенческий ценностный сдвиг». При этом рассматривались следующие группы жизненных ценностей: а) **ценности выживания**: экономическая безопасность (материальная обеспеченность, достаток, работа как гарант экономической прибыли и т.д.) и физическая безопасность (здоровье, право, семья, поддержка близких и друзей и т.д.); б) **ценности самовыражения**: индивидуальное самовыражение (независимость, активная жизнь, профессионализм, квалификация, общественное признание и т.д.) и качество жизни (субъективное благополучие, уверенность в завтрашнем дне и т.д.).

Методика исследования. В Республике Армения, где социологическое исследование было осуществлено в 2016 году, опрашивалось городское население. Общая выборка опроса – 250 жителей Еревана в возрасте от 18 до 66 лет (33,5% от генеральной совокупности) [21]. Выборка случайная, квотная, пропорциональная [21]. Квоты распределялись по половозрастным признакам. Среди респондентов от 18 до 30 лет (57,2% от общего числа опрошенных) 45,3% составляли мужчины и 54,7% – женщины; от

Таблица 1. Операционализация понятий в исследовании

Понятие	Опрос в РФ		Опрос в РА	
	Переменная	Индикатор	Переменная	Индикатор
1. Ценности выживания	В какой мере для Вас важны те или иные стороны жизни?	Важность для населения здоровья, материальной обеспеченности, счастливой семейной жизни, дружбы, работы, познания (в баллах от 1 до 5)	Какова цель Вашей жизни? На Ваш взгляд, что необходимо человеку, чтобы чувствовать себя счастливым?	Важность для населения здоровья, финансовых успехов, надежного окружения, семьи, образования, веры (% от числа ответивших)
2. Ценности самовыражения		Важность для населения активной жизни, свободы и самовыражения, общественного признания (в баллах от 1 до 5)		Важность для населения карьерных успехов, возможностей путешествовать по всему миру (% от числа ответивших)
3. Отношение к будущему	Насколько Вы уверены в своем будущем?	Доля населения, уверенного / не уверенного в своем будущем (уверен/не уверен)	Как бы Вы охарактеризовали себя?	Доля населения, характеризующего себя как оптимистов / пессимистов (% от числа ответивших)
4. Отношение к социальным институтам и благам	Ваша работа – это прежде всего способ...	Важные для населения аспекты трудовой деятельности (согласен / не согласен)	Согласны ли Вы с утверждением «Деньги решают все»?	Распределение населения по отношению к важности денег в жизни общества (% от числа ответивших)
	Образование для Вас – это прежде всего...	Важные для населения стороны образовательной деятельности (% от числа ответивших)	Согласны ли Вы со следующими утверждениями, касающимися высшего образования?	Доля населения, согласного с утверждениями о важности образования (% от числа ответивших)

55 до 66 лет (42,7% от общего числа опрошенных) — соответственно 57,5 и 42,5%. Возрастные группы для опроса определены методом стратификационного отбора. Ошибка выборки не превышает 5%.

Выбор населения Еревана для проведения анкетирования обусловлен тем, что этот город является крупнейшим политическим, экономическим и культурным центром страны, на территории которого сконцентрированы практически все слои армянского общества⁴.

В опросе, который проходил в форме поквартирного анкетирования, был применен авторский инструментарий, разработанный на основе подходов Р. Инглхарта, Ш. Шварца, М. Рокича, Г. Хофстеде и др. с учетом национальных особенностей армянского общества [23]. Опросник включал 68 вопросов, ответы на которые составили основу анализа ценностных ориентаций населения [23].

Социологическое исследование в *Российской Федерации* было осуществлено также в 2016 году. В нем участвовало население Вологодской области (проживающее как в городской, так и в сельской местности) в возрасте экономической активности (15-72 лет). Общая выборка опроса — 1500 чел. (0,2% от генеральной совокупности). Выборка — квотная, пропорциональная. Квоты выборки распределялись по гендерным, возрастным характеристикам, месту проживания. По полу распределение квот выглядит следующим образом: мужчины — 51,9%; женщины — 48,1%; по возрасту: 15-17 лет — 3,2%; 18-24 лет — 12,8%; 25-29 лет — 14,7%; 30-49 лет — 49,3%; старше 50 лет — 19,9%; по месту проживания: г. Вологда — 27,2%; г. Череповец — 28,1%; муниципальные районы — 44,7%. Ошибка выборки не превышает 3%.

Опрос, проходивший в поквартирной форме, выполнялся с помощью анкеты, составленной и использованной российско-белорусским коллективом в рамках работы над научным проектом «Профессиональное призвание: человеческий потенциал инновационного развития России и Беларуси» (по гранту РГНФ №15-22-01013). Анкета содержит 65 вопросов.

Социологические исследования проводи-

⁴ По данным Статистического комитета Республики Армения, в Ереване проживает 1 074 100 чел. (35,8% от всего населения страны).

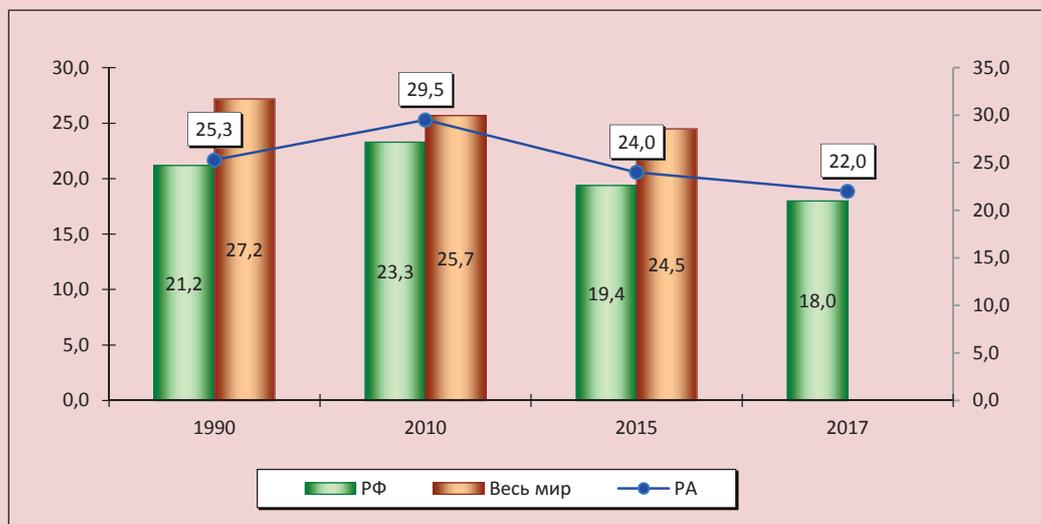
лись на разных территориях, по разным методикам и преследовали разные цели (в Армении — опрос населения крупного мегаполиса, в России — опрос населения региона с неодинаковым представительством городских и сельских жителей). Исследовательский инструментарий (и в том, и в другом случае — анкета) не был сформирован с применением аналогичных формулировок вопросов. Поэтому в статье мы напрямую не сопоставляем первичные данные этих проектов, а обобщаем выводы по вторичным данным (отдельно по каждому государству), чтобы на теоретическом уровне иметь возможность рассуждать о наличии схожих и отличительных трендов в социокультурном развитии молодого поколения двух стран.

Результаты исследования. Для России и Армении в настоящее время характерен общий тренд на снижение численности населения в возрасте до 30 лет (*рисунок*). Подобная тенденция, однако, наблюдается и в европейских странах. Основной причиной трансформации возрастной структуры стал переход к режиму «суженного воспроизводства» (начало которому положено в 1960-х годах). На Западе подобный демографический переход произошел на несколько десятков лет раньше [24; 25; 26]. В 2000 г. данный показатель достиг своего исторического минимума: в России — 8,7, в Армении — 10,6 промилле.

Помимо вышеуказанной причины, в Армении сильное влияние на демографические процессы оказывает миграция населения. В результате актуализировалась проблема «утечки мозгов». По мнению участников неструктурированного глубинного интервью⁵, осуществленного в ходе исследования в Армении, «...*важнейшей проблемой, порожденной экономическим кризисом, был и является высокий темп миграции. “Утечка мозгов” — это то самое, из-за чего Армения продолжает терять высококвалифицированных молодых специалистов...Влияние всего этого на систему образования катастрофическое — меньше школ, меньше учеников, меньше будущих специалистов*» [23]; «...*студенты послед-*

⁵ Здесь и ниже представлены материалы, относящиеся к неструктурированному глубинному интервью, которое было осуществлено в Ереване в мае 2015 г. Данным исследованием было охвачено 56 экспертов (специалисты социокультурной сферы: деятели искусства, политики, писатели, ученые, педагоги и др.).

Удельный вес молодого населения (15–29 лет; в % от населения всех возрастов)

Источник: World Population Prospects. Режим доступа: <http://esa.un.org/unpd/wpp/Download/Standard/Population/> (дата обращения: 16.05.2018).

них курсов вузов, зная, что их не ждет желаемая перспектива, покидают страну. Получается, вуз ведет специализированную подготовку специалистов для иностранных рынков» [23].

Ценностные представления молодежи, относящиеся к разным сферам общественной жизни (экономической, политической, социальной, духовной и нравственной), находятся в активной фазе формирования [23]. Для того чтобы определить характер ценностного сдвига, мы сравниваем ответы двух возрастных групп: «молодежи» (до 30 лет) и «старшего поколения» (55–66 лет). Ценностные ориентации второй группы, как правило, являются продолжением того типа мировоззрения, который сформировался у них в советское время, когда им было 18–30 лет (как сейчас представителям первой группы).

Как объект исследования молодежь можно рассматривать в качестве самостоятельной группы, которая ориентирована, с одной стороны, на статусные достижения, с другой — на получение жизненных благ [23]. Анализ результатов исследования показал, что молодежь в России и Армении воспринимает свой нынешний статус и потенциальные возможности как совершенно естественное состояние, при этом многое из того, что кажется сейчас нормальным

и привычным, их родителям в молодые годы было совершенно недоступно [23]. Старшее поколение воспринимает молодежь как носителей идей модернизации и новых либерально-демократических установок, как приверженцев западной модели политической и экономической системы. При этом восприятие молодежью своего поколения отличается от образа, устоявшегося в сознании населения старших возрастов, поскольку ценностно-мировоззренческие ориентации «отцов» и «детей» иногда не совпадают [23].

Каковы же эти ценностные установки? Насколько они отличаются или совпадают у населения двух стран?

Как показывают данные проведенного исследования, в круг самых значимых ценностей российской молодежи входят здоровье, материальный достаток и семья (4,5 балла из 5-ти возможных). Эти жизненные установки вполне можно назвать традиционными, так как их разделяют и представители старшего поколения (старше 55 лет; табл. 2).

Однако из мировоззренческого поля молодого поколения России уходит целый пласт традиционных ценностей, которые важны для «поколения отцов». Это прежде всего касается стремления к независимости (3-е место среди

Таблица 2. Оценка россиянами важности различных сторон жизни в разрезе возрастных групп (баллов по пятибалльной шкале, где 1 – не имеет никакого значения, 5 – очень важно)

Вариант ответа	Возрастные группы			
	младше 30 лет		старше 55 лет	
	Балл	Ранг	Балл	Ранг
Здоровье (физическое и психическое)	4,5	1	4,3	1
Материальная обеспеченность	4,5	1	4,2	2
Счастливая семейная жизнь	4,5	1	4,2	2
Любовь	4,4	2	3,9	3
Наличие хороших и верных друзей	4,4	2	3,8	4
Свобода, независимость	4,3	3	4,1	1
Интересная работа	4,3	3	3,9	3
...				
Активная деятельная жизнь	4,2	4	3,6	6
...				
Познание	4,0	6	3,5	7
Развлечения	4,0	6	3,1	9
Общественное признание, авторитет	3,8	7	3,5	8
Одобрение окружающих	3,7	8	3,6	6
Творчество, искусство	3,5	9	3,0	10
Источник: данные социологического опроса населения Вологодской области (N=1500 чел.).				

жизненных приоритетов молодёжи и первое – у населения старше 55 лет) и одобрения действий и поступков со стороны окружающих (8 и 6-е место соответственно). Жизненные установки на признание мнения авторитетов сменяются новым набором ценностей, в числе которых реализация себя в активных формах жизни (спорте, туризме, развлекательных мероприятиях, социальных проектах и т.д.), а также наличие дружеской компании. При этом в эпоху распространения социальных сетей в Интернете смысл дружбы у молодёжи зачастую трансформируется в феномен «френдизма», нивелирующий духовную привязанность друзей, превращая последних в «сочувствующих себе-денников» [27, с. 72-78].

Схожая картина наблюдается и в армянском обществе. Здесь для представителей обоих поколений характерны различия между иерархиями ценностей в плане личностных приоритетов и нормативных идеалов [28, с. 31-35].

В армянском обществе ярко проявляется процесс сохранения традиционных ценностей, что можно проследить на примере распределения ответов населения на вопрос «Что Вам необходимо как личности, чтобы почувствовать себя счастливым?» Так, хорошее здоровье считают необходимым условием благополучной

жизни и молодое (19%), и старшее поколение (24%). Здоровый образ жизни занимает второе место в ранжированном списке ценностей как у той, так и другой возрастной группы (табл. 3). Отчасти это говорит о тесной взаимосвязи терминальных целей (благополучная семья, финансовая обеспеченность, любовь, познание и др.) с инструментарием для их достижения при доминировании ценностей физического здоровья, образования и т.д. [23].

Для армянской молодёжи цель жизни сводится главным образом к реализации своего потенциала в обществе и экономике, переживанию радостей и удовольствий от жизни. Этим молодёжь несколько отличается от представителей старшего поколения, в чьих мнениях больше проявляется альтруизм («жить дружно со своими детьми», «делать все для благополучного будущего своих детей») [21].

Молодёжь склонна также рассматривать в качестве главной жизненной цели для себя достаток: 26% против 19% среди старшего поколения (табл. 4). Показательно, что профессионализм на рабочем месте оценивается молодыми людьми не так высоко – 15% (среди старшего поколения – 26%). В то же время молодые армяне более амбициозны в плане карьерных перспектив, чем представители

Таблица 3. Распределение ответов населения Армении на вопрос: «На Ваш взгляд, что необходимо человеку, чтобы чувствовать себя счастливым?» в разрезе возрастных групп (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Возрастные группы			
	младше 30 лет		старше 55 лет	
	В %	Ранг	В %	Ранг
Любовь	34,0	1	22,4	3
Крепкое здоровье	18,9	2	24,0	2
Хорошее образование	15,1	3	10,3	7
Всесторонние знания	15,1	3	19,5	4
Обеспеченная жизнь	11,3	4	15,5	5
Вера	5,1	5	12,1	6
Быть известным и иметь хорошую репутацию	0,0	-	94,8	1
Романтические и (или) авантюристские переживания	0,0	-	0,0	-
Процветающее и безопасное государство	0,0	-	0,0	-
Путешествия	0,0	-	5,2	8

Источник: данные социологического опроса населения города Еревана (N=250 чел.).

Таблица 4. Цели жизни населения Армении в разрезе возрастных групп (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Младше 30 лет		Старше 55 лет	
	В %	Ранг	В %	Ранг
Достичь финансовых успехов	26,4	1	19,0	2
Быть квалифицированным специалистом	15,1	2	25,9	1
Иметь надежное окружение	13,2	3	15,5	4
Быть мудрым	13,2	3	17,2	3
Иметь счастливую семью	11,3	4	5,2	5
Достичь высокой должности на службе	7,5	5	3,6	4
Пользоваться поддержкой коллег по работе	7,5	5	6,9	6
Путешествовать по всему миру	5,6	6	6,7	5

Источник: данные социологического опроса населения города Еревана (N=250 чел.).

старшего поколения (8% против 4% соответственно). Это может означать, что получение материальных благ не всегда связывается юношами и девушками с проявлением себя в профессии, а квалификация зачастую не ассоциируется с обязательным условием реализации карьерных планов.

Возможно, благодаря своей амбициозности представители молодёжи достаточно ясно представляют собственные перспективы. Согласно полученным социологическим данным, среди российской молодёжи только менее 17% не определились с планами на ближайшее будущее (среди старшего поколения этот показатель составляет 26%); в Армении – 19% (среди старшего поколения – 14%).

Работа, как и здоровье, рассматривается молодым поколением как важный инструмент достижения желаемого качества жизни. Так, для российской молодёжи получение денежного до-

хода является безоговорочным приоритетом при трудоустройстве (63%; табл. 5). На второй план отодвигаются даже социальные преимущества трудовой деятельности (например, профессиональная репутация, которая более важна для старших возрастов). Впрочем, подобные же ценности определяют отношение к труду и старшего поколения, что говорит скорее не о смене ценностных установок в ходе межпоколенческой мобильности, а об усилении в молодёжной группе действия лично-средовых копинг-ресурсов. По терминологии, введенной в научный оборот А. Маслоу, копинг – это жизненные стратегии, которые помогают справиться с ситуацией неопределенности различными путями, в том числе через идентификацию себя с представителями более старших возрастов [29]. Это в ряде случаев объясняет «заимствование» ценностной системы в поколенческом плане, желание «быть как все», неприятие всего нового.

Таблица 5. Распределение ответов россиян на вопрос: «Что для Вас важно в работе?» по возрастным группам (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	младше 30 лет	старше 55 лет
Хорошо зарабатывать	63,3	64,8
Помогать, приносить пользу людям	36,8	37,5
Иметь достаточную свободу в работе	26,8	13,6
Иметь хорошую профессиональную репутацию, доброе имя	25,0	31,8
Возможность сделать карьеру, занять руководящую должность	24,8	12,5
Иметь возможность развиваться, повышать квалификацию	24,8	12,5
Полно использовать свои знания, опыт, квалификацию	22,0	19,3
Полно реализовать свои личные способности	20,3	19,3
Работать в престижном учреждении	14,8	5,7
Работать с высококвалифицированными коллегами	14,5	4,5
Иметь возможность заниматься научной (исследовательской) деятельностью	3,0	4,5
Другое	0,8	2,3

Источник: данные социологического опроса населения Вологодской области (N=1500 чел.).

Нечто похожее мы наблюдаем и в армянском социуме. Респондентам было предложено продолжить фразу, которая начинается со слов «Сегодня лучше всего стать...» Интересно, что 89% молодых респондентов ответили, что сегодня лучше всего стать «богатым» (в группе опрошенных старше 55 лет показатель составил 35%) [23]. Это, в частности, подтверждает гипотезу «ценностной значимости недостающего» Инглхарта. Наибольшая субъективная ценность действительно придается тому, чего в сложившейся социально-экономической обстановке относительно недостает для личностного развития. Для молодёжи роль такого «дефицитного блага» и одновременно условия достижения высокого качества жизни, самостоятельности принципиально играют деньги.

Одновременно те сложности, которые переживает молодое население Армении в плане возможности открытия своего бизнеса (лишь 25% опрошенных до 30 лет определяют условия, сложившиеся в этой сфере, как благоприятные), а также в плане приобретения жилья (лишь 48% опрошенных до 30 лет считают ипотеку доступной для молодых семей), нередко приводят к тому, что в поведении молодых людей начинают преобладать стратегии выживания, а не модернизационные тактики [23].

В доказательство приведем слова из интервью с одним из армянских экспертов: «*Принципиальность в отстаивании своих убеждений не востребована, так как в социуме приоритет*

отдается приспособленческим ориентациям, направленным на обладание материальными ценностями» [21].

С нашей точки зрения было бы неправильным сводить это массовое стремление к богатству лишь к «пассивному гедонизму» [23]. В сознании молодёжи залог спокойного существования связывается почти исключительно с материальной обеспеченностью и денежными накоплениями, поскольку социальные гарантии (бесплатное медицинское обслуживание, образование) сегодня функционируют не в полную силу и не в ожидаемом объеме [23].

Однако разрыв между собственными ожиданиями (часто неоправданно завышенными) и осознанием своих возможностей (как правило, весьма скромных) приводит к стойкому негативизму в восприятии реальности, что может выражаться в дискредитации ряда социальных ценностей [23]. Достаточно яркий образчик подобных явлений – трансформация ценности образования. В армянском и российском обществе сформировалось неодинаковое представление о назначении образования. Так, в законодательстве РФ с недавних пор (2013 г.) отражена мысль о маркетизации системы образования в плане её постепенного превращения в сферу, функционирование которой ориентировано в том числе на удовлетворение потребностей населения [30, с. 26-34]. Необходимо отметить, что в законах, действующих в Республике Армения, подобный подход не заложен,

а, наоборот, воспроизведено традиционное отношение к образованию сугубо как к социальному благу.

Побочный эффект изменения статуса образования в России выражается в трансформации общественного восприятия этой сферы, в частности в феномене сверхквалификации рабочей силы (по оценкам экспертов, в РФ доля работающих по профессиям ниже полученной квалификации составляет 60%) [31, с. 9].

Считаем необходимым отметить здесь, что маркетизация проявляется и в сфере высшего образования РА. По мнению армянских экспертов, сегодня вузы страны «ориентированы на бизнес», а «уровень образования пропорционален системе ценностных ориентиров современных молодых людей» [32, с. 6-11].

Думается, что опыт России мог бы помочь Армении избежать в будущем ошибок, напрямую связанных с девальвацией ценности образования, и прежде всего сверхквалификации рабочей силы.

Дискуссия по поводу результатов. Результаты проведенного исследования позволили найти методологический подход к разрешению ответа на вопрос «Что является определяющим вектором духовного развития современной молодёжи на постсоветском пространстве – социокультурная модернизация или укоренение и доминирование традиционных ценностей?» [23]. Ответ на подобный вопрос не представляется простым.

С одной стороны, на молодёжь двух стран, имеющих общее историческое прошлое, воздействует феномен «культурной памяти» [33, с. 80-94]. Носителями этой памяти является старшее поколение, пример которого в сознании молодого населения формирует значительный пласт ценностей материализма (по терминологии Р. Инглхарта) [21].

Межпоколенная трансмиссия ценностей ярче проявляется в армянском обществе: здесь поддерживаются самобытные национальные черты повседневной жизни, традиционная культура отдыха и проведения праздников [23]. Молодое и взрослое население ценят свою религиозную и этническую общность, сформированную веками, сохраняют свой национальный язык, поддерживают связи с соотечественниками во всем мире [34, с. 28-30].

Позитивную роль в этом процессе играет возрождающаяся Армянская Апостольская церковь, ценности которой быстро распространяются среди молодёжи и связывают разные поколения [34, с. 28-30]. Молодёжь поддерживает значимость уважения к старшим и взаимопомощи в семье [23]. Приверженность всех поколений армян традиционным ценностям как в Армении, так и за ее пределами обеспечивает успешную межпоколенную трансмиссию социокультурных ценностей и культурную устойчивость в обществе в целом [34, с. 28-30].

Однако рассматриваемый ряд социокультурных доминант находит свое проявление и в усилении значения инструментальной рациональности [35, с. 80-94]. На материалах межпоколенных сопоставлений мы видим, как в молодёжной среде важность материального благополучия возрастает, а культуры – уменьшается. Подобные паттерны, образующиеся на фоне нестабильного экономического развития сравниваемых стран, обуславливают укоренение среди молодых людей стратегий выживания, а не стратегий самореализации в обществе [23].

Экономическая дифференциация общества приводит к тому, что на «нижнем полюсе» социума (малообеспеченные слои населения) превалируют установки на выживание, забота о получении средств к существованию, а на «верхнем полюсе» (обеспеченное население) наблюдается тяга к реализации личности и достижению духовных целей [23].

С другой стороны, в молодёжной среде двух стран наметился переход к ценностям постмодерна (по терминологии Р. Инглхарта) [21]. Сдвиг к постматериалистическим приоритетам влечет за собой уменьшение роли обязательств перед социумом и восприятие социальной мобильности как должного. Более сильный акцент в своей жизнедеятельности молодое население делает на качестве жизни [23].

В нижней части иерархии ценностей молодёжи располагаются межличностные отношения, а также иные приоритеты, как-либо связанные не с личной жизнью, а с интересами общества [23].

Антитеза материалистических и постматериалистических ценностей отражает межпоколенческий сдвиг от акцента на физической и

экономической защищенности к росту значения субъективного благополучия и самовыражения [23]. Если «поколение отцов» было ориентировано на получение образования, достижение долгосрочных целей, социальную справедливость и равенство, то среди нынешней молодёжи, выросшей в рыночных условиях, в гораздо большей степени проявляются гедонизм, утилитаризм и восприятие конкуренции как социальной нормы [23].

Подобная неоднозначность в восприятии ценностей молодым населением заставляет задуматься о перспективах развития стран на постсоветском пространстве. Встает вопрос о том, получит ли идея модернизации массовую поддержку в лице молодёжи и не приведет ли специфика образа жизни молодого поколения к торможению современных процессов развития экономики. К примеру, отмеченная ранее тенденция усиления у населения в возрасте до 30 лет значения hi-tech ценностей никак не связана с социальным оптимизмом и желанием обновления общества и даже, наоборот, приводит к интернет-аддикциям, «выпадению» из объективной реальности, апатии, безразличию к окружающей действительности.

Так, согласно корреляционному анализу (по корреляции Пирсона), использование Интернета в молодёжной среде имеет обратную зависимость по отношению к переменной «уверенность в будущем». Эта закономерность подтверждается данными, полученными в РФ ($p \geq -0,192$) и в РА ($p \geq -0,201$)⁶. В итоге можно говорить о «цифровом ретритизме» («уход» от стиля жизни, считающегося «нормальным» в социуме, в виртуальную реальность) как характерной черте проникновения идеалов общества потребления в сознание молодёжи,

который может повлечь за собой разрыв социальных связей и нарастание критической массы сопряженных проблем (молодёжная преступность, вандализм, кибертерроризм, игромания и т.д.). К ним представители молодого поколения вполне могут оказаться неподготовленными [11, с. 192-201].

В этой связи вопросы трансформации социокультурных ценностей в оперативном режиме должны составить повестку дня для постсоветских стран. Их внимание должно быть обращено на сохранение традиционных институтов социализации (религия, семья, образование, рынок труда) и на характер влияния на молодёжь «новых» агентов процесса обобществления (бизнеса и Интернета).

Благодаря схожести выделенных в работе моментов молодёжные проблемы могли бы стать предметом межкультурного диалога стран. Однако его ведение на сегодняшний день заметно ограничивается отсутствием должной нормативно-правовой базы. Прежде всего, ни в России, ни в Армении пока нет рамочного закона, оговаривающего статус молодёжи как таковой. На постсоветском пространстве до сих пор не функционирует международная структура (наподобие Junior Chamber International⁷), в рамках деятельности которой возможно было бы вести совместные обсуждения по вопросам молодёжной политики.

Кроме того, научно-исследовательским организациям важно проявлять активность в формировании единого инструментария для проведения регулярного мониторинга изменений, происходящих в сферах, которые относятся к качеству жизни, социальному самочувствию молодого поколения, и в ценностном фоне развития молодёжи на постсоветском пространстве.

Литература

1. Гилис П. Экономика и антиэкономика: трансформации в постсоветском пространстве // Вестник СПбГУ. Серия 5: Экономика. 2013. № 1. С. 15-24.
2. Павлов К.В., Ляшенко В.И., Котов Е.В. Процессы и формы модернизации экономики на постсоветском пространстве // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 6 (291). С. 14-26.
3. Sztompka, P. The Sociology of Social Change. Oxford and Cambridge: Blackwell, 1993. 416 p.

⁶ Корреляция значима на уровне 0,01.

⁷ Junior Chamber International. Режим доступа: <https://www.jci.cc/> (дата обращения: 11.05.2018).

4. Лапин Н.И. Социокультурная трансформация России: либерализм versus традиционализация // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3. С. 32-39.
5. Власова Н.В. Этническая идентичность и социальное самочувствие личности в условиях трансформации социокультурной среды // Известия Саратовского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2016. № 2. С.186-191.
6. Белый О.И. Определение понятия «молодёжь» // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 156-158.
7. Головчин М.А. Молодёжь и социальная перспектива: региональный опыт исследования // Проблемы развития территории. 2016. № 2. С. 112-122.
8. Зарубина Н.Н. Молодёжь в условиях анонии: кто примет ответственность за будущее России? // Общественные науки и современность. 2016. № 2. С. 52-63.
9. Корниенко Т.А. Модернизационные вызовы и трансформация политической культуры: к вопросу о социально-культурных факторах модернизации // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 3. С. 31-40.
10. Соловых О.В. О теоретических аспектах самоактуализации личности // Вестник ОГУ. 2011. № 6 (125). С. 25-31.
11. Яковлева А.А. Потребительский ретретизм: альтернативный стиль жизни в обществе потребления // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 5 (58). С. 192-201.
12. Bynner J., Parsons S. Social Exclusion and the Transition from School to Work: The Case of Young People Not in Education, Employment, or Training (NEET) // Journal of Vocational Behaviour. 2002. №60(2). P. 289-309.
13. Мальцев А.А. Форсированная модернизация советской экономики: «демомодернизация» или индустриальный прорыв? // Известия УрГЭУ. 2010. № 6 (32). С. 91-97.
14. Хачикян Я.И. Вопросы истории и теории эстетики (статьи и исследования). Ереван: Гитутюн, 2011. 508 с.
15. Rokeach M. The Nature of Human Values. New York: Free Press, 1973. 438 p.
16. Rokeach M. The open and closed mind: investigations into the nature of belief systems and personality systems. New York: Basic Books, 1960. 447 p.
17. Schwartz S.H., Bilsky W. Toward a theory of the universal content and structure of values: extensions and cross-cultural replications // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. Vol. 58. P. 878-891.
18. Schwartz S.H. Cultural Value Orientations: Nature & Implications of National Differences // Psychology. 2008. Vol. 5. No. 2. P. 37-67.
19. Рожкова Л.В. Базовые ценности молодёжи в полиэтнической студенческой среде // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2009. № 4. С. 173-179.
20. Inglehart R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton: Princeton University Press, 1997. 453 p.
21. Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge University Press, 2005. 323 p.
22. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества. М.: ГУ ВШЭ, 2007. 527 с.
23. Мкоян Г.С. Социокультурные ценности в современном армянском обществе: межпоколенный анализ: диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 2017. 233 с.
24. Качество молодого поколения в контексте модернизации России: кол. монография / под ред. А.А. Шабуновой. Вологда: ВолНИЦ РАН, 2016. 235 с.
25. Шабунова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. № 2 (70). С. 7-17.
26. Shabunova A.A., Lastochkina M.A., Kalachikova O.N. Demographic evolution trends and prospects in Russia and the Vologda Oblast // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2012. № 5. 143-153 p.
27. Головчин М.А. Молодёжь в сфере межличностных отношений: опыт регионального исследования // Вестник образования и науки Российской академии естественных наук. 2016. № 3. С. 72-78.

28. Мкоян Г.С. Сравнительный анализ трансформации социокультурных ценностей двух возрастных групп в армянском обществе (по методике М. Рокича) // Научная мысль. 2017. № 2 (24). С. 31-35.
29. Vaillant G.E. Involuntary coping mechanisms: a psychodynamic perspective // Dialogues in Clinical Neuroscience. 2011. № 13 (3). P. 366-370.
30. Головчин М.А. Образование как базовая институциональная среда для социализации молодёжи // Нижегородское образование. 2016. № 4. С. 26-34.
31. Цапенко И. Человеческие ресурсы в сфере науки и технологий: состояние и эффективность использования // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 4. С. 3-15.
32. Саакян А.К., Мкоян Г.С. Отношение современной армянской молодёжи к образованию // Социология и право. 2017. № 4. С. 6-11.
33. Mkoyan G.S. The Role and Meaning of the Free Time in Context of Formation of Socio-Cultural Values in Modern Armenian Society. 2016. № 2. P. 197-204.
34. Мкоян Г.С. Армянская Апостольская церковь, семья и государство как единая система социализации и символ формирования социально-культурных ценностей членов общества // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 5. С. 28-30.

Сведения об авторах

Максим Александрович Головчин — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: mag82@mail.ru)

Гоар Сергеевна Мкоян — кандидат социологических наук, преподаватель, Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна (Армения, г. Ереван, пр. Тиграна Меца, д. 17; e-mail: Goharmkoyansoc85@gmail.com)

Golovchin M.A., Mkoyan G.S.

Youth in Former Soviet Republics in Conditions of Value Transformation of Society (Case Study of Russia and Armenia)

Abstract. Value orientations of the older generation (over 55 years of age) are well-established, and, as a rule, they are influenced by the worldview that developed in the Soviet time. As for young people, their life ideas relating to various manifestations of social reality are still actively forming. In this regard, the two generations have certain differences in their sets of values. It is interesting and important to study them because young people perceive their current status and opportunities as being completely natural, while for their parents much of what looks normal and routine now was completely inaccessible in the years of their youth. The article considers value orientations of young people from former Soviet countries by highlighting their similarities and differences in comparison to those of the older generation. We are particularly interested in the views on the life and mindset of young people who represent a generation oriented toward modernization changes in society. Using research data, the paper attempts to find a determining vector of spiritual development of young people. The study is based on the analysis of secondary data of sociological surveys conducted in the Russian Federation and in the Republic of Armenia. Youth and the older generation are the objects of comparison in the surveys. The study not only identifies common features in the value consciousness of two generations in Russia and Armenia, but also substantiates the nature and importance of the impact of socio-cultural factors on the vital values of young people. It is established that intergenerational differences in socio-cultural determinants affect the attitude toward personal prospects in life and family, income, education, etc. The results of the study allow us to determine the direction of changes in young people's value orientations. Trends in the cultural and spiritual development of youth in both countries reflect an intergenerational shift from the focus

on economic and physical security to the increasing role of self-expression, subjective well-being and the quality of life, which ambiguously affects social well-being. In particular, the correlation analysis has established the inverse relationship between people's Internet activity and their confidence in the future. This suggests that the behavior of young people who "immerse" deeply in the Internet space is fraught with manifestations of social apathy. In conclusion, we present our own reflections on the need to intensify intercultural dialogue between former Soviet republics and participate jointly in addressing youth policy issues.

Key words: life values, generation, youth, education, digital retreatism, modernization, survey, correlation.

Information about the Authors

Maksim A. Golovchin – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center of RAS (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: mag82@mail.ru)

Gohar S. Mkoyan – Candidate of Sciences (Sociology), Lecturer, Khachatur Abovian Armenian State Pedagogical University (17, Tigran Metz Avenue, Yerevan, Armenia; e-mail: Goharmkoyansoc85@gmail.com)

Статья поступила 07.03.2018.